

(Лондон. 8 (?) апреля 1853 г.)

Письмами твоими, Тата, я очень доволен, а копию ты забыла. Что ты приедешь с Олей, мы очень рады и будем считать дни – теперь осталось *шестнадцать дней*.

И птички еще висят в базаре, две, и прыгают, и чирикают, их привезли из Южной Америки.

Целую *Олю*

МАЛЬВИДЕ МЕЙЗЕНБУГ

Публикация А. З в и г и л ь с к о г о при участии С.П. Г и ж д е у^{21*}

Личность Мальвиды *Мейзенбург* (1816–1903) и ее отношения с Герценом хорошо известны. Имя ее занимает видное место в его биографии, переписке и мемуарной литературе. Ей посвящена большая статья С.П. Гиджеу во 2-й кн. наст. тома.

В ответ на просьбу молодого французского писателя и критика А. Сюареса – автора книг о Толстом и Достоевском – сообщить ему что-нибудь о Герцене Мейзенбург послала ему 1 ноября 1892 г. автограф письма, адресованного ей Герценом, оставив для себя только выписку. При этом она писала Сюаресу: “Прилагаю вам письмецо Герцена, которое дарю вам, полагая, что вас больше с ним сблизит обладание чем-нибудь написанным его рукой и в какой-то мере проясняющим его личную жизнь. Я смогу рассказать вам о ней много волнующего, но только устно, ибо письма эти не подлежат огласке и слишком длинны, чтоб их списать. Письмо относится еще к первому периоду нашего знакомства, до того, как я вступила в его дом, и лишь время от времени занималась с его детьми. Я жила тогда одна на берегу моря в Англ(ии), и мне писали. Именно сейчас привожу я в порядок его многочисленные письма ко мне, чтоб оставить их здесь в сохранности у его дочери (Ольги) в случае моей смерти. Я давно уже собираюсь о нем писать. Его слишком уж предают забвению, а он был слишком крупной личностью, чтоб это можно было допустить. И ныне, кроме меня, нет почти никого, кто мог бы о нем написать, ибо свидетелей его личной жизни уже не осталось; Тургенев собирался сделать это, но смерть помешала ему. Хотелось бы знать, удастся ли мне написать о нем нынешней зимой, но вам я, со своей стороны, охотно помогу сделать это во Франции. Суждение ваше о нем превосходно, это был единственный из деятелей 48-го года, который кое-что понял и кое-чему научился у событий и который не побоялся отделаться от благородных иллюзий как только пред ним явилась истина. Именно за это Бакунин, оставшийся таким, каким он был в сибирских льдах, возмущался им и под конец совершенно от него отдалился” (автограф в Bibliothèque littéraire Jacques Doucet (Париж), ф. А. Суареса).

Письмо 1-е печатается А. З в и г и л ь с к и м по автографу того же фонда. Впервые опубликовано им в “Revue de la Littérature Comparée”, 1974, р. 317–318. Несколько строк, выписанных из своего письма самой Мейзенбург с отдельными разночтениями, опубликованы под условной датой “весна 1853 г.” еще до того Л.Р. Л а н с к и м (XXV, 487). Русский перевод, за исключением упомянутого фрагмента, нигде не воспроизводился. Сохранившийся отрывок п. 2 публикуется впервые С.П. Г и ж д е у по ксерокопии РГБ с автографа того же парижского архива.

1

(Londres.) 19 août (1853). Vendredi¹

A force de vieillesse, je perds tout, j’oublie tout. Alex(andre) vous a écrit une longue lettre, je l’ai mise avec la vôtre que je viens de recevoir aujourd’hui – et voilà qu’il m’est impossible de la retrouver².

Maniquine³ et Tata, Alex(andre) et Haug, tous ont cherché – pas moyen. Savez-vous que perdre quelque chose ou égarer pour q(uel)q(ue) temps est une chose qui blesse profondément un homme, comme l’oubli d’un nom propre, *das macht so grob an die Grenze*.

Vous gardez la vie d’un point de vue serein, je lis vos lettres avec envie⁴... Non seulement

^{21*} Вступительную заметку и письмо 1-е перевел с французского Л.Р. Л а н с к и й; письмо 2-е – С.П. Г и ж д е у.

la nature vous entraîne, mais votre esprit; vous avez de l'enthousiasme. Vos malheurs ne vous ont probablement laissé que des larmes, qu'une douleur pure. Les miens m'ont vieilli, et je me suis habitué à tout regarder à travers la poussière. Le trop clair de la nature *ist zu scharf, zu frisch*. J'appartiens profondément à la croûte malade de la société, j'appartiens quoique un peu barbare à la vieille civilisation en putréfaction, comme les vers au vieux fromage, et c'est pour cela que je vous envie – sentant que tout cela m'est impossible à la longue. J'ai été abreuvé tout ce temps par de petites avanies de tous côtés⁵. Je réserve le récit de ces belles choses pour notre entrevue.

Je serre amicalement votre main.

A. H e r z e n

Je ne suis pas tout à fait content non plus de Tata. Elle a beaucoup de petites habitudes qu'elle n'avait pas.

La lettre est retardée, il est 6 h. 1/2, elle ne viendra que demain.

П е р е в о д:

(Лондон.) 19 августа (1853 г.). Пятница¹

Вследствие старости я все теряю, все забываю. Алекс(андр) написал вам длинное письмо, я положил его вместе с вашим, только сегодня мною полученным, и что же: никак не могу его отыскать².

Манихен³ и Тата, Алекс(андр) и Гауг, все искали – без успеха. Знаете ли вы, что потерять что-нибудь или затерять на како(е-то) время – вещь, глубоко оскорбительная для человека, это все равно, что забыть чье-либо имя, *das macht so grob an die Grenze*^{22*}.

Вы смотрите на жизнь с безмятежной точки зрения, ваши письма читаю я с завистью⁴ ... Вас увлекает не только природа, но и ваш ум; вам свойствен энтузиазм. От ваших несчастий у вас, по-видимому, остались только слезы, только чистая скорбь. Мои же состарили меня, и я привык смотреть на все сквозь пыльную пелену. Чрезмерная ясность природы *ist zu scharf, zu frisch*^{23*}. Я целиком принадлежу к большому слою общества, я принадлежу, – хоть и являюсь, в какой-то мере, варваром, – старой, гниющей цивилизации, как черви к старому сыру, поэтому-то я и завидую вам – чувствуя, что мне все это, в сущности, недоступно.

Меня все это последнее время осыпали всякого рода мелкими гадостями. Откладываю до нашего свидания рассказ об этих прелестных вещах.

Дружески жму вам руку.

A. Г е р ц е н

Я не совсем доволен и Татой. У нее появилась масса мелких привычек, которых прежде не было.

Письмо это задержалось, теперь⁶ 1/2, оно придет лишь завтра.

¹ Пятница на 19 августа приходилась в 1853 г.

² Эти письма остаются неизвестными. О неопубликованном письме Мейзенбург к Герцену от 13 августа см. XXV, 88 и *Мейзенбург*, 243. Герцен ответил на него 16 августа (там же).

³ Гувернантка Мария Фомм.

^{22*} это под конец становится так грубо (нем.).

^{23*} слишком остра, слишком свежа (нем.). – Перед этим выражением в автографе крестик. Начало на полях примечание (или вставка) почти полностью отрезано. – Ред.

МАЛЬВИДА МЕЙЗЕНБУГ

Рисунок Лауры Мейзенбург (карандаш).

Концы 1840-х годов

Воспроизводится по репродукции в книге: Malvid von Meysenbug. Aus den Memorien einer Idealistin. Berlin, 1963

⁴ В письме от 13 августа 1853 г. Герцен просил Мейзенбург сообщить ему "инциденты" из ее жизни. Она, по-видимому, тотчас же отозвалась. 16 августа Герцен писал ей: «Читая ваше письмо, я невольно сказал: "Боже, как вы еще молоды душой и чувствами"» (XXV, 92).

2

Фрагмент

(Ницца. 24/12 (?) апреля 1869 г.)¹

un grand plan quelconque – je pourrais retirer mon désir et mon conseil – mais lorsque la carrière termine aux leçons de chant, il n'y a pas à changer. – Évaluez vous-même mes paroles – sans passion, avec l'amour de la vérité – et vous me serrerez la main comme tous les jours.

Or, la morale en est – il n'y a pas de raisons sérieuses pour ne pas aller à Paris – puisque la décision dépend de va et viens de Panofca². Pour sûr, à Paris il ne manque pas de professeurs de première force.

Une des choses les plus sérieuses – c'est l'opinion d'Olga elle-même – elle peut maintenant mesurer d'après l'amour actif pour l'art – ce qu'elle peut faire.

Voilà la réponse et de l'homme, et du père, et de l'ami – sachez l'apprécier donc la plénitude de sa sincérité.

Schiff a été vraiment grand, j'attends avec impatience sa leçon. Il a quelque chose de l'apôtre. Exposer donc sa position, sa famille – pour prêcher en Savonarole de la science – c'est grand et je m'incline de tout mon cœur devant lui³ – dites-lui cela – et ne vous fâchez pas.

Tout à vous A. H e r z e n

J'écrirai à Olga un de ces jours – embrassez-la. Est-ce qu'elle est contente des Духи⁴?

П е р е в о д :

какой-нибудь большой план – я мог бы отказаться от своего желания и своего совета – но когда карьера заканчивается уроками пения – ничего не изменишь. – Оцените сами мои слова – бесстрастно, с любовью к истине – и вы пожмете мне руку, как всегда.

Итак, отсюда мораль – нет серьезных оснований не ехать в Париж – поскольку решение зависит от приездов и отъездов Панофки². Конечно, в Париже нет недостатка в первоклассных преподавателях.

Одна из самых серьезных вещей – это собственное мнение Ольги – она может теперь взвесить на основании деятельной любви к искусству – что может сделать.

Вот ответ и человека, и отца, и друга – сумейте же оценить его полную откровенность.

Шифф был поистине велик, жду с нетерпением его лекцию. В нем есть нечто от апостола. Подвергать опасности свое положение, свою семью – чтобы проповедовать, подобно Савонароле, науку – это величественно, и я от всей души склоняюсь перед ним³ – скажите ему об этом – и не сердитесь.

Всецело преданный вам А. Г е р ц е н

Я напишу Ольге в один из ближайших дней – поцелуйте ее. Понравились ли ей Духи^{24*4}?

¹ Печатается по фотоконии РГБ с автографа ВН. Начало письма отсутствует. По всей вероятности, это то письмо к Мейзенбург, которое считалось утраченным и датировалось 25/13 апреля 1869 г. (см. XXX, 461).

² См. ниже письмо Герцена к Ольге от 22 апреля 1869 г.

³ Об этой лекции М. Шиффа, в то время профессора сравнительной анатомии во Флоренции, см. также в письмах Герцена к Огареву от 24 апреля (XXX, 95) и к А. А. Герцену от 25 апреля (там же).

⁴ Подарок Герцена (см. ниже).